

Бест Стивен. Права животных и неправда о них

Источник: [здесь](#)

Словарь жестов гориллы по имени Коко составляет 500 слов. Попугай Алекс знает названия более ста различных предметов, различает семь цветов и пять разновидностей формы. Кроме того, Алекс умеет считать до шести и говорит осмысленные фразы. Горилла Майкл любит послушать Лучано Паваротти и отказывается идти гулять, когда по телевизору передают его концерт. Дельфин Хоку горевал после смерти своего товарища дельфина Кико. Шимпанзе Флинт умер от разрыва сердца, когда похоронил мать.

Приведенные факты, свидетельствующие о высоком уровне эмоционального и интеллектуального развития у животных, производят впечатление даже на дилетанта, однако в среде реалистично настроенных ученых они до сих пор не получили отклика. С традиционной научной точки зрения, разум и чувства животных не поддаются наблюдению и потому их существование невероятно. Приписывание животным человеческих свойств - проявление антропоморфизма. Называть животных, как людей, по именам - ненаучно. Поэтому приведенные случаи из жизни животных в лучшем случае можно расценивать просто как анекдот.

Современная наука продолжает пользоваться сконструированной еще в XVII веке механистической парадигмой, в рамках которой животные рассматривались как некие автоматы или машины. Современная научная традиция - от Декарта до бихевиоризма и социобиологии - отводила животным роль неразумных существ или механизмов, которые не способны ни мыслить, ни чувствовать. Студенты, усваивавшие эту парадигму со школьной скамьи, быстро учились избегать в своих работах упоминания субъективной жизни животных, - подобные упоминания проскальзывали разве что в шутку. Руководствуясь таким механистическим взглядом, ученые описывали, например, любовь шимпанзе словами "формирование привязанности", ярость слона - как "агрессивную демонстрацию", а сообразительность птицы - как "условный рефлекс". Научные журналы, как правило, отказывались печатать статьи, в которых затрагивалась тема мышления и эмоционального развития животных. Джейн Гуделл рассказывает, сколь далеко могут заходить проявления такого механистического подхода: "В своей первой статье [об обезьянах], которую я написала для журнала Nature, редактор аккуратно заменил все "он" и "она" на "оно".

Потерянная парадигма

Сегодня ситуация значительно изменилась - в науке произошел существенный сдвиг парадигмы, затронувший изучение эмоций и интеллекта животных. Вплоть до последних нескольких десятилетий люди знали сравнительно мало о разуме и эмоциональной жизни животных. Поток недавних публикаций и появление новой дисциплины под названием "когнитивная этология", занимающейся изучением интеллекта животных, свидетельствуют о том, что ученые наконец-то обратились к исследованиям глубин сложного мышления животных. Например, только в 1960-е годы, когда Джейн Гуделл отправилась в национальный парк Гомбе в Танзании, человечество узнало, что шимпанзе умеют изготавливать и использовать орудия. Лишь в 1983 году ученые обнаружили, что слоны могут передавать информацию при помощи ультразвука. Новые исследования позволяют предположить, что крысы видят сны и что у "больших обезьян" (шимпанзе, орангутанги и гориллы) имеются нейроны, отвечающие за самосознание.

Наука, которая в течение стольких лет вводила нас в заблуждение, теперь инициирует революцию в нашем отношении к животному миру. Пользуясь данными теории эволюции, генетики, нейропсихологии и экспериментальной науки, многие ученые убедительно доказывают, что животные могут мыслить и чувствовать подобно людям. Впрочем, первые изменения в этом отношении начались еще с Дарвина. Его теория естественного отбора показала, что люди по существу являются животными и, соответственно, эволюционируют по тем же законам, что и другие животные. Дарвин доказывал, что разница между людьми и остальными животными описывается в терминах степени, а не в терминах формы. Несмотря на то, что эволюционная теория стала доминирующей парадигмой в биологии, подразумеваемая ею идея эволюционной целостности не была принята научным миром. Хотя Дарвин в общих чертах описал сходство людей с животными в своей работе "Выражение эмоций у человека и животных", ученые нашли его аргументацию противоречивой. Когда сам род деятельности не предполагает бережного отношения к животным, механистический взгляд слишком часто оказывается наиболее удобным. По крайней мере, он позволяет ученым, проводившим эксперименты над животными, спокойно спать по ночам.

Сегодня мы знаем, что человеческая ДНК на 98% идентична ДНК шимпанзе, которые генетически ближе к людям, чем, например, к орангутангам. У млекопитающих имеется лимбическая система и неокортекс, то есть те же самые отделы мозга, которые позволяют людям испытывать эмоции и абстрактно мыслить. Благодаря неврологии мы знаем, что все млекопитающие имеют окситоцин - гормон, отвечающий за получение удовольствия от секса, а также играющий ключевую роль в формировании привязанности между матерью и ребенком. Если эмоции и интеллект человека имеют химическую и психологическую основу, а животные устроены подобным же образом, вполне вероятно, что они также способны испытывать сложные эмоции, такие как любовь, и могут творчески мыслить.

В своих книгах "Широкая натура" и "Политика у шимпанзе" Франс де Ваал доказывает, что большие обезьяны заложили эволюционную основу многих поведенческих и семейных паттернов у людей. Де Ваал и Гуделл пришли к выводу, что сообщества шимпанзе требуют

от своих членов сложных социальных навыков, которые выходят далеко за пределы поведенческих паттернов, предусматриваемых механистической моделью. Мир шимпанзе построен не только на инстинктах, но также на определенных правилах и нормах поведения. Подобно нам, они живут в коммуникационной культуре, где накопленные знания передаются от поколения к поколению.

Дональд Гриффин считается отцом когнитивной этологии и известен тем, что открыл факт использования эхолокации летучими мышами для ориентировки на местности. Гриффин серьезно изучал вопрос о том, способны ли животные мыслить. Его книги "Ум животных" и "Прислушиваясь в темноте" нанесли значительный удар по бихевиористской традиции, идущей от Джона Уотсона и Б.Ф.Скиннера. После публикации работы Гриффина появилось большое количество научных статей, демонстрирующих сложность и гибкость интеллекта животных. Мириады наблюдений и экспериментов, убедительно демонстрирующих наличие интеллекта у животных, изменили наш взгляд не только на животный мир, но и на самих себя.

Коммуникационные навыки

Обученные языку жестов и лексиграфическим символам, большие обезьяны смогли сообщать о своих потребностях, желаниях и мыслях как человеку, так и друг другу. Дельфины понимают и выполняют простые команды типа "положи мяч в корзину". Бобры проявляют большую гибкость ума при построении своих плотин и способны решать задачу, сообразуясь с конкретными условиями. Многочисленные эксперименты с зеркалами и спрятанными предметами позволяют сделать предположение, что шимпанзе обладают самосознанием и осознают наличие сознания у себе подобных. Результаты тысяч и тысяч экспериментов свидетельствуют, что такие животные, как белки, луговые собачки и даже куры, при помощи сложных, дифференцированных звуковых сигналов способны не только выражать эмоции, но и передавать разнообразную информацию (например, о приближении опасности). Недавние исследования показали, что птицы, приматы и китообразные используют коммуникативные средства, аналогичные грамматическим структурам человеческого языка.

В своей книге "Разум животного: взгляд изнутри" Джордж Пейдж ссылается на эксперименты, в ходе которых у взрослых шимпанзе обнаружилась способность к аналитическому мышлению, превосходящая соответствующие способности не только детей, но и некоторых взрослых особей *homo sapiens*. Другой исследователь с удивлением заметил, что подопытные голуби показывают гораздо лучшие результаты при тестировании на способность к классификации, чем его собственные студенты. Марк Хойзер в книге "Дикий разум" занимает позицию "здорового скептицизма" по отношению к многочисленным доказательствам эмоциональных и интеллектуальных способностей животных. Рассматривая проблему с эволюционной точки зрения, он доказывает, что мозг любого животного неизбежно сталкивается с аналогичными проблемами, а стало быть, каждый вид имеет свой собственный "набор ментальных инструментов" для переработки информации об объектах, числах и пространстве. В зависимости от этого и различаются виды. Случай же *homo sapiens* - пример беспрецедентного усложнения мышления. Таким образом, заключает

Хойзер, "мы живем на планете вместе с другими разумными существами... И хотя человеческий разум оставил на планете свой характерный след, мы не одни участвуем в этом процессе".

В своем отзыве на книгу Гриффина "Мышление животных" Вассерман заключает, что "ни одно утверждение, касающееся наличия сознания у животных, не подлежит верификации и проверке путем эксперимента". Это заявление просто неверно, поскольку работы по этологии изобилуют примерами оригинальных экспериментов, разработанных и проведенных с целью проверки эмоциональных и интеллектуальных способностей животных. В книге Хойзера, в частности, рассматриваются проекты экспериментов, в процессе которых подтверждается, опровергается или остается под вопросом наличие у животных тех или иных особенностей интеллекта и способности к эмоциональным переживаниям.

Разумеется, результаты подобных экспериментов могут быть по-разному интерпретированы, и приверженцы бихевиоризма могут остаться при своем мнении. В 1984 году Ллойд Морган сформулировал "закон экономии", представляющий собой вариацию "бритвы Оккама". В соответствии с этим законом, не следует апеллировать к "более высокой" функции организма (интеллект), если "более низкая" функция (инстинкт) адекватно объясняет его поведение. Бихевиористы использовали этот принцип, сводя поведение животных к примитивным инстинктам и механизмам обучения. Сам Морган, несмотря на то, что предложенный им принцип сыграл на руку бихевиористам, признавал наличие интеллекта у животных. Вступая в противоречие с ошеломляющими свидетельствами "животного" интеллекта, "низкие функции" не объясняют поведения животных, которое скорее нуждается в описании, апеллирующем к принципам более высокого уровня. Иными словами, самым простым объяснением, не ограничивающимся заведомо конвенциональными моделями, как раз и будет признание гибкости и достаточно высокого уровня разума у животных.

Права и неправда

В книге под названием "Сломать клетку: о правах животных" гарвардский профессор юриспруденции и адвокат Стивен Вайз показывает, что интеллект животного варьируется в зависимости от того, как мы сами обучаем его и создаем для него надлежащие социальные условия. Признавая только способы мышления и коммуникации, присущие *homo sapiens*, ученые полагали, что раз животные не говорят и не рассуждают подобно нам, значит, у них вообще отсутствует разум. Измеряя интеллект и коммуникационные способности животных по человеческим критериям, ученые, можно сказать, впали в грех антропоморфизма. Однако антропоморфизм не обязательно является преступлением с научной точки зрения.

Разумеется, не следует приписывать животным свойства, которыми они не обладают. Но, принимая во внимание общие черты людей и остального животного мира, можно говорить о том, что Гриффин называл "критическим антропоморфизмом", который, возможно, является наилучшим способом понять животных, в то время как "объективная беспристрастность" может, наоборот, помешать процессу научного познания.

Когнитивная этология доказывает не то, что эмоции и интеллект животных так же сложны, как и наши, а то, что они существуют в удивительно разнообразных формах. Человек, безусловно, уникален в отношении имеющегося у него интеллекта: ни один другой вид животных не способен писать сонеты, сочинять симфонии, решать алгебраические уравнения или задумываться над устройством мироздания. Но люди не уникальны в обладании таким отделом мозга, как неокортекс; не одни они могут испытывать сложные чувства, подобные любви, тоске, сопереживанию или стыду. Не одни они создали язык для коммуникации, сообщества и нормы поведения в этих сообществах. Возможно, мы даже не обладаем монополией на наличие эстетического и морального чувства.

Новая парадигма, предусматривающая взгляд на животных как на субъекты нашей жизни, а не просто как на объекты нашего наблюдения, имеет далеко идущие последствия. Генетическое, бихевиоральное и эмоциональное сходство между людьми и большими обезьянами, например, создало философскую основу для проекта "Большие обезьяны", одним из основателей которого является Питер Сингер. Цель этого проекта - доказательство родства людей с обезьянами и борьба за предоставление нашим биологическим родственникам базовых прав. Таким образом, научные исследования в области интеллекта животных имеют чрезвычайно важное значение для движения за права животных.

От констатации к действию

Научные изыскания часто ложатся в основу этических норм, законов и социальной политики. Кое-кто может возразить, что стратегия непосредственного перехода от констатации научного факта к установлению этической нормы ошибочна и даже известна в философии под названием "естественнонаучное заблуждение". Другими словами, если что-то и существует, это еще не означает, что так и должно быть. Примеров естественнонаучных заблуждений не счесть. Социальный дарвинизм, провозглашающий право сильнейшего, не может служить оправданием классового неравенства. Другой пример: один лишь факт существования патриархата еще не является для него оправданием.

Однако следует видеть границы позитивистского разделения фактов и ценностей, принимая во внимание экологию. Эта наука опирается на факты, но вместе с тем ее задача - подсказывать нам, каким образом мы должны жить, чтобы достичь гармонии между человеческим социумом и миром природы и построить устойчивое сообщество.

Подобным же образом, поскольку мы знаем, что животные - сложные и чувствительные существа, мы должны и относиться к ним соответствующим образом, - ведь основания для неправильного к ним отношения оказались беспочвенными с научной точки зрения. И в данном случае научная констатация неизбежно ведет к установлению этической нормы.

Ощущение ветра перемен в науке, философии и юриспруденции создает впечатление, что сама американская культура находится в эпицентре смены парадигм. Осознав всю сложность мира животных и всю глубину взаимосвязи между людьми и животными, мы начинаем больше уважать животных и предоставлять им права, которых они заслуживают.

Сегодня за свои права борется любая маргинальная группа людей. Похоже, настала пора животных. А поскольку они не могут сами говорить от своего имени, их освобождение зависит от нашего собственного освобождения: мы должны освободиться от оков традиционно предвзятого отношения к ним. Признав за животными способность к мышлению, мы освободим свои собственные мозги от ненужных шор.

Версия #1

Зверобой создал 22 апреля 2025 23:11:33

Зверобой обновил 22 апреля 2025 23:13:17